

Все

русские
народные
сказки

Вся классика детской литературы

Русские сказки

Все русские народные сказки

Издательский дом "Проф-Пресс"

2026

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)

Русские сказки

Все русские народные сказки / Русские сказки — Издательский дом "Проф-Пресс", 2026 — (Вся классика детской литературы)

ISBN 978-5-378-36239-4

В этой книге вы найдёте лучшие русские народные сказки для детей, такие как «Сивко-бурко», «Коза-дереза», «Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке», «Финист — Ясный сокол», «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка», а также русские былины: «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Садко» и другие. Русские народные сказки — кладёзь мудрости, передающийся из поколения в поколение. В каждой сказке — бесценные уроки добра и любви, взаимовыручки и прощения. Сказки проиллюстрированы чёрно-белыми и цветными картинками с изображениями любимых героев. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-378-36239-4

© Русские сказки, 2026
© Издательский дом "Проф-Пресс", 2026

Содержание

Сказки	6
Петушок и чудо-меленка	6
Вершки и корешки	10
Коза-дереза	14
Лисичка со скалочкой	20
Царевна-лягушка	22
Сивко-бурко	32
Иван-царевич и серый волк	39
Гуси	49
По щучьему велению	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Все русские народные сказки

© Издательский дом «Проф-Пресс», 2026

© Пискунова Т.Д., 2026

Сказки

Петушок и чудо-меленка

Жили-были старик со старухой, бедные-бедные! Хлеба-то у них не было; вот они поехали в лес, набрали желудей. Долго ли, коротко ли они ели, только старуха уронила один жёлудь в подполье.

Пустил жёлудь росток и дорос в небольшое время до полу. Старуха заприметила и говорит:

– Старик! Надобно пол-то прорубить; пускай дуб растёт выше; как вырастет, не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать.

Старик прорубил пол. Деревцо росло, росло и выросло до потолка. Старик разобрал потолок, а после крышу снял: дерево всё растёт да растёт и доросло до самого неба.

Не стало у старика со старухой желудей, взял он мешок и полез на дуб.

Лез-лез и взобрался на небо. Ходил-ходил по небу, увидал: сидит петушок – золотой гребешок, масляна головка, и стоит меленка. Вот старик-от долго не думал, захватил с собою и петушка, и меленку и спустился в избу к старухе.

– Как нам, старуха, быть, что нам есть?

– Постой, – молвила старуха, – я попробую меленку.

Взяла меленку и стала молоть; ан блин да пирог, блин да пирог! Что ни повернёт – всё блин да пирог!.. И накормила старика. Петушку блин достался, а кошечка пирожком полакомилась. Зажили они припеваючи.

Ехал однажды мимо какой-то барин и заехал к старику со старухой на подворье:

– Нет ли, – спрашивает, – чего-нибудь поесть?

А старуха ему отвечает:

– Чего тебе, родимый, дать поесть, разве блинков?

Взяла меленку и намолола: напали блинчики да пирожки.

Проезжий поел и говорит:

– Продай мне, бабушка, твою меленку.

– Нет, – говорит старушка, – продать нельзя.

Он взял да и украл у них чудо-меленку. Загоревались, запечалились старик со старухой.

– Постой, – говорит петушок – золотой гребешок, – я полечу, догоню!

Прилетел он к барским хоромам, сел на ворота и кричит:

– Ку-ка-ре-ку! Барин, барин! Отдай нашу чудо-меленку, золотую, голубую!

Как услышал барин, сейчас приказывает:

– Эй, малой! Возьми, брось его в воду.

Поймали петушка, бросили в колодец. Он и стал приговаривать:

– Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду!

Выпил всю воду и полетел к барским хоромам; уселся на балкон и опять кричит:

– Ку-ка-ре-ку! Барин, отдай нашу чудо-меленку!

Барин велел повару бросить петушка в горячую печь. Поймали его, бросили прямо в огонь. Он и стал приговаривать:

– Носик, носик, лей воду! Ротик, ротик, лей воду! – и залил весь жар в печи.

Вспорхнул, влетел в барскую горницу и опять кричит:

– Ку-ка-ре-ку! Барин, отдай нашу чудо-меленку!

А у барина на ту пору гости сидели. Гости услышали, что кричит петушок, и тотчас же побежали вон из дому. Хозяин бросился догонять их, а петушок схватил чудо-меленку и улетел с ней к деду с бабой.

Вершки и корешки

Мужик поехал в лес репу сеять. Пашет там да работает.

Пришёл к нему медведь:

– Мужик, я тебя сломаю.

– Не ломай меня, медведюшка, лучше давай вместе репу сеять. Я себе возьму хоть корешки, а тебе отдам вершки.

– Быть так, – сказал медведь. – А коли обманешь, так в лес ко мне хоть не езди.

Сказал и ушёл в дуброву.

Репка выросла крупная. Мужик приехал осенью копать репу.

А медведь из дубровы вылезает:

– Мужик, давай репу делить, мою долю подавай.

– Ладно, медведюшка, давай делить: тебе вершки, мне корешки.

Отдал мужик медведю всю ботву. А репу наклал на воз и повёз в город продавать.

Навстречу ему медведь:

– Мужик, куда ты едешь?

– Еду, медведюшка, в город корешки продавать.

– Дай-ка попробовать – каков корешок?

Мужик дал ему репу. Медведь как съел:

– А-а! – заревел. – Мужик, обманул ты меня! Твои корешки сладеньки. Теперь не езжай ко мне в лес по дрова, а то заломаю.

На другой год мужик посеял на том месте рожь. Приехал жать, а уж медведь его дожидается:

– Теперь меня, мужик, не обманешь, давай мою долю.

Мужик говорит:

– Быть так. Бери, медведюшка, корешки, а я себе возьму хоть вершки.

Собрали они рожь. Отдал мужик медведю корешки, а рожь наклал на воз и увёз домой.

Медведь бился, бился, ничего с корешками сделать не мог.

Рассердился он на мужика, и с тех пор у медведя с мужиком вражда пошла.

Коза-дереза

Поехал мужик на ярмарку и купил козу. Привёл козу домой, говорит дочери:

– Вот я какую хорошую козу купил. Поди-ка, попаси её в поле.

Повела дочь козу и к вечеру гонит её домой.

А дед стоит у ворот и спрашивает:

– Козочка моя милая, козочка моя славная! Пила ли ты вволю, ела ли ты досыта?

– Нет, дедушка, не пила я и не ела, только как бежала через мосточек – ухватила кленовый листочек, а как бежала через гребельку – глотнула воды капельку.

Рассердился дед и прогнал дочь.

Послал дед свою жену.

– Смотри, – говорит, – хорошенько паси козочку, чтобы сыта была!

Повела она козу, вечером стала гнать к дому, а дед спрашивает:

– Козочка моя милая, козочка моя славная! Пила ли ты вволю, ела ли ты досыта?

А коза в ответ:

– Нет, дедушка, не пила я и не ела, только как бежала через мосточек – ухватила кленовый листочек, а как бежала через гребельку – глотнула воды капельку.

Прогнал дед и жену свою из дому.

Пришлось старику самому козу пасти. Попас он её и погнал домой, а сам забежал вперёд и спрашивает:

– Козочка моя милая, козочка моя славная! Пила ли ты вволю, ела ли ты досыта?

– Нет, – говорит коза, – не пила и не ела, а как бежала через мосточек – ухватила кленовый листочек, а как бежала через гребельку – глотнула воды капельку.

Тут мужик рассердился, привязал козу к дереву и давай стегать! Стегал-стегал – прутик-то и сломался.

Пошёл старик к ивняку, чтобы прутик новый срезать, а коза тем временем сорвалась и убежала в лес. Нашла заячью хату и поселилась в ней.

Приходит зайчик к своему дому, а коза забралась на печь и поёт:

*Я коза-дереза,
За три гроша куплена,
Полбока облуплено.
Тупу-туп ногами —
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету!*

Испугался зайчик, убежал из хаты и сел под деревом. Смотрит – идёт волк.

Зайчик плачет, говорит ему:

– Братец волчок, выгони от меня зверя неслыханного-невиданного!

Пошёл волк гнать козу, а коза опять своё поёт:

*Я коза-дереза,
За три гроша куплена,
Полбока облуплено.
Тупу-туп ногами —
Заколю тебя рогами,*

*Ножками затопчу,
Хвостиком замету!*

Не выгнал волк козы, испугался и в лес убежал.

Пошёл опять зайчик, сел под дерево и плачет.

Идёт петух.

– Братец петушок, поди выгони от меня зверя неслыханного-невиданного!

Пришёл петух к избушке и поёт:

*Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!
Иду на ногах,
В красных сапогах,
Несу-несу косу —
Тебе голову снесу
По самые плечи!
Полезай долой с печи!*

Коза перепугалась, упала на пол – и бежать.

А зайчик вернулся в свою избушку и стал там жить-поживать да горя не знать.

Лисичка со скалочкой

Идёт лиса, несёт скалочку в лапках. Доходит она до деревни и просится к мужичку в избу:

– Пусти лисичку-сестричку переночевать.

– У нас и без тебя тесно.

– Я не потесню вас: сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку.

Её пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку.

Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а после спрашивает:

– Где же моя скалочка? Я за неё и гусочку не возьму!

Мужик, делать нечего, отдал ей за скалочку гусочку. Взяла лисичка гусочку, идёт и поёт:

*И шла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку – гусочку!*

Стук-стук-стук! – стучится она в избу к другому мужику.

– Кто там?

– Я лисичка-сестричка, пустите переночевать.

– У нас и без тебя тесно.

– Я не потесню вас: сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку.

Её пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку. Рано утром она вскочила, схватила гусочку, ошипала её, съела и говорит:

– Где же моя гусочка? Я за неё индюшечку не возьму!

Мужик, делать нечего, отдал ей за гусочку индюшечку. Взяла лисичка индюшечку, идёт и поёт:

*И шла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку – гусочку,
За гусочку – индюшечку!*

Стук-стук-стук! – стучится она в избу к третьему мужику.

– Кто там?

– Я лисичка-сестричка, пустите переночевать.

– У нас и без тебя тесно.

– Я не потесню вас: сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку.

Её пустили. Вот она легла на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку.

Рано утром лисичка вскочила, схватила индюшечку, ошипала её, съела и говорит:

– Где же моя индюшечка? Я за неё не возьму и девочку!

Мужик, делать нечего, отдал ей за индюшечку девочку; лисичка посадила её в мешок, идёт и поёт:

*И шла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку – гусочку,
За гусочку – индюшечку,
За индюшечку – девочку!*

Стук-стук-стук! – стучится она в избу к четвёртому мужику.

– Кто там?

– Я лисичка-сестричка, пустите переночевать.

– У нас и без тебя тесно.

– Я не потесню вас: сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку.

Её пустили. Она легла на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку. Мужик потихоньку выпустил из мешка девочку, а запихнул туда собаку.

Вот поутру лисичка-сестричка собралась в дорогу, взяла мешок, идёт и говорит:

– Девочка, пой песни!

А собака как зарычит! Лисичка испугалась, как шваркнет мешок с собакою да бежать, еле ноги унесла.

Царевна-лягушка

Встарые годы у одного царя было три сына. Вот когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

– Сынки мои любезные, покуда я еще не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат. Сыновья отцу отвечают:

– Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

– Вот что, сынки, возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили.

У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла её купеческая дочь.

А у младшего сына, Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела, сам не знает куда. Вот он шёл, шёл, дошёл до болота, видит – сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

- Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу.
- А лягушка ему отвечает:
- Возьми меня замуж!
- Что ты, как я возьму себе в жёны лягушку?
- Бери, знать судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принёс домой. Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего – на купеческой, а несчастного Ивана-царевича – на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

– Хочу посмотреть, которая из ваших жён лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтраму по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил. Лягушка по полу скачет, спрашивает его:

– Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

– Батюшка велел тебе к завтраму рубашку ему сшить.

Лягушка отвечает:

– Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лег спать, а лягушка прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

– Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка опять по полу скачет, а уж рубашка лежит на столе, завернута в полотенце.

Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понёс к отцу. Царь в это время принимал дары от больших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял её и сказал:

– Эту рубашку в чёрной избе носить.

Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

– В ней только в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку, изукрашенную золотом-серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул:

– Ну, вот это рубашка – в праздник её надевать.

Пошли братья по домам – те двое – и судят между собой:

– Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитра¹...

Царь опять позвал сыновей:

– Пускай ваши жёны испекут мне к завтраму хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван-царевич голову повесил, пришёл домой. Лягушка его спрашивает:

– Что закручинился?

Он отвечает:

– Надо к завтраму испечь царю хлеб.

– Не тужи, Иван-царевич, лучше ложись спать. Утро вечера мудренее.

А те невестки сперва-то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

Лягушка хитра, она это смекнула. Замесила квашню, печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокинула. Бабушказавдоренка прибежала к царским невесткам, все рассказала, и те так же стали делать.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

– Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего родного батюшки ела.

¹ Хитра – колдунья.

Иван-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в ширинку, понёс к отцу. А царь в то время принимал хлебы от больших сыновей. Их жёны-то попускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала, и вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына, посмотрел и отослал в людскую. Принял от среднего сына и туда же отослал. А как подал Иван-царевич, царь сказал:

– Вот это хлеб, только в праздник его есть.

И приказал царь трём своим сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с жёнами.

Опять воротился Иван-царевич домой невесел, ниже плеч голову повесил. Лягушка по полу скачет:

– Ква, ква, Иван-царевич, что закручинился? Или услышал от батюшки слово неприветливое?

– Лягушка, лягушка, как мне не горевать? Батюшка наказал, чтобы я пришёл с тобой на пир, а как я тебя людям покажу?

Лягушка отвечает:

– Не тужи, Иван-царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Иван-царевич и пошёл один. Вот старшие братья приехали с жёнами, разодетыми, разубранными, нарумяненными, насурмлёнными. Стоят да над Иваном-царевичем смеются:

– Что же ты без жены пришел? Хоть бы в платочке её принес. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные – пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрясся.

Гости напугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

– Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золочёная карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье – частые звёзды, на голове – месяц ясный, такая красавица – ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Берёт она Ивана-царевича за руки и ведёт за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки за правый рукав бросила.

Жёны больших царевичей увидали ее хитрости и давай то же делать.

Попили, поели, настал черед плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала, вертелась, вертелась – всем на диво. Махнула левым рукавом – вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом – поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом – только гостей забрызгали, махнули другим – только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашёл там лягушечью кожу и бросил её в печь, сжёг на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась – нет лягушечьей кожи. Села на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:

– Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты ещё только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно. Иван-царевич заплакал, заплакал, поклонился на четыре стороны и пошёл куда глаза глядят – искать жену, Василису Премудрую. Шёл он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истер, шапчонку дождик иссёк. Попадаетеся ему навстречу старый старичок.

– Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про своё несчастье. Старый старичок говорит ему:

– Эх, Иван-царевич, зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе её было снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудрёней своего отца уродилась. Он за то осерчал на неё и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старого старичка и пошёл за клубочком. Клубок катится, он за ним идёт. В чистом поле попадаетея ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

– Не бей меня, Иван-царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошёл дальше. Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

– Не бей меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Он пожалел селезня и пошел дальше. Бежит косою заяц. Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

– Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Пожалел он зайца, пошёл дальше. Подходит к синему морю и видит – на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

– Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в море, пошёл дальше берегом. Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу. Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

– Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич взошёл в неё и видит: на печи, на девятом кирпиче, лежит баба-яга, костяная нога, зубы – на полке, а нос в потолок врос.

– Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? – говорит ему баба-яга. – Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Иван-царевич ей отвечает:

– Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде напоила, накормила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга его в бане выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

– Знаю, знаю, – говорит ему баба-яга, – твоя жена теперь у Кощея Бессмертного. Трудно её будет достать, нелегко с Кощеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кощей Бессмертный, как свой глаз, бережёт.

Иван-царевич у бабы-яги переночевал, и наутро она ему указала, где растёт высокий дуб. Долго ли, коротко ли, дошел туда Иван-царевич, видит – стоит, шумит высокий дуб, на нём каменный сундук, а достать его трудно.

Вдруг, откуда ни взялся, прибежал медведь, и выворотил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскочил заяц – и наутёк во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на неё селезень кинулся, как ударит её – утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море...

Тут Иван-царевич залился горькими слезами – где же в море яйцо найти! Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у неё конец ломать. Он ломает, а Кощей Бессмертный бьётся, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кощей, сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кощею помереть.

Иван-царевич пошёл в Кощеевы палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста.

Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.

Сивко-бурко

Жил-был старик; у него было три сына, третий-от Иван-дурак, ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался. Отец стал умирать и говорит:

– Дети! Как я умру, вы каждый поочерёдно ходите на могилу ко мне спать по три ночи, – и умер.

Старика схоронили. Приходит ночь; надо большому брату ночевать на могиле, а ему – коё лень, коё боится, он и говорит малому брату:

– Иван-дурак! Поди-ка к отцу на могилу, ночуй за меня. Ты ничего же не делаешь!

Иван-дурак собрался, пришёл на могилу, лежит; в полночь вдруг могила расступилась, старик выходит и спрашивает:

– Кто тут? Ты, большой сын?

– Нет, батюшка! Я, Иван-дурак.

Старик узнал его и спрашивает:

– Что же больш-от сын не пришёл?

– А он меня послал, батюшка!

– Ну, твоё счастье!

Старик свистнул-гайкнул²богатырским посвистом:

– Сивко-бурко, вещий воронко!

Сивко бежит, только земля дрожит, из очей искры сыплются, из ноздрей дым столбом.

² Гайкать – кричать, кликать.

– Вот тебе, сын мой, добрый конь; а ты, конь, служи ему, как мне служил.

Проговорил это старик, лёг в могилу. Иван-дурак погладил, поласкал сивка и отпустил, сам домой пошёл. Дома спрашивают братья:

– Что, Иван-дурак, ладно ли ночевал?

– Очень ладно, братья!

Другая ночь приходит. Средний брат тоже не идёт ночевать на могилу и говорит:

– Иван-дурак! Поди на могилу-то к батюшке, ночуй и за меня.

Иван-дурак, не говоря ни слова, собрался и покатил, пришёл на могилу, лёг, дожидается полночи. В полночь также могила раскрылась, отец вышел, спрашивает:

– Ты, средний сын?

– Нет, – говорит Иван-дурак, – я же опять, батюшка!

Старик гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом:

– Сивко-бурко, вещий воронко!

Бурко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом.
– Ну, бурко, как мне служил, так служи и сыну моему. Ступай теперь!

Бурко убежал; старик лёг в могилу, а Иван-дурак пошёл домой. Братья опять спрашивают:

– Каково, Иван-дурак, ночевал?
– Очень, братья, ладно!

На третью ночь Иванова очередь; он не дожидается наряда, собрался и пошёл. Лежит на могиле; в полночь опять старик вышел, уж знает, что тут Иван-дурак, гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом:

– Сивко-бурко, вещий воронко!

Воронко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом.
– Ну, воронко, как мне служил, так и сыну моему служи.

Сказал это старик, простился с Иваном-дураком, лёг в могилу. Иван-дурак погладил воронка, посмотрел и отпустил, сам пошёл домой. Братья опять спрашивают:

– Каково, Иван-дурак, ночевал?
– Очень ладно, братья!

Живут; двое братовой робыт³, а Иван-дурак ничего.

Вдруг от царя клич: ежели кто сорвёт царевнин портрет с дому чрез сколько-то много брёвен, за того её и взамуж отдаст. Братья собираются посмотреть, кто станет срывать портрет. Иван-дурак сидит на печи за трубой и баёт:

– Братья! Дайте мне каку лошадь, я поеду посмотрю же.

– Э! – взялись братья на него. – Сиди, дурак, на печи; чего ты поедешь? Людей, что ли, смешить!

Нет, от Ивана-дурака отступу нету! Братья не могли отбиться:

– Ну, ты возьми, дурак, вон трёхногую кобылёнку!

Сами уехали. Иван-дурак за ними же поехал в чисто поле, в широко раздолье; слез с кобылёнки, взял её зарезал, кожу снял, повесил на поскотину⁴, а мясо бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом:

– Сивко-бурко, вещий воронко!

Сивко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в одно ушко залез – напился-наелся, в друго вылез – оделся, молодец такой стал, что и братьям не узнать! Сел на сивка и поехал срывать портрет. Народу было тут видимо-невидимо; завидели молодца, все начали смотреть.

Иван-дурак с размаху нагнал, конь его скочил и портрет не достал только через три бревна. Видели, откуда приехал, а не видали, куда уехал! Он коня отпустил, сам пришёл домой, сел на печь. Вдруг братья приезжают и сказывают женам:

³ Работают. – Прим. ред.

⁴ Поскотина – городьба вокруг скотного выгона. – Прим. ред.

– Ну, жены, какой молодец приезжал, так мы такого сроду не видали! Портрет не достал только через три бревна. Видели, откуда приехал; не видали, куда уехал. Ещё опять приедет...

Иван-дурак сидит на печи и говорит:

– Братья, не я ли тут был?

– Куда к чёрту тебе быть! Сиди, дурак, на печи да протирай нос-от.

Время идёт. От царя тот же клич. Братья опять стали собираться, а Иван-дурак и говорит:

– Братья! Дайте мне какую-нибудь лошадь.

Они отвечают:

– Сиди, дурак, дома! Другу лошадь ты станешь переводить!

Нет, отбиться не могли, велели опять взять хромую кобылёшку. Иван-дурак и ту управил, заколол, кожу развесил на поскотине, а мясо бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом:

– Сивко-бурко, вещий воронко!

Бурко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в право ухо залез – оделся, выскочил в лево – молодцом сделался, соскочил на коня, поехал; портрет не достал только за два бревна.

Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал! Бурка отпустил, а сам пошёл домой, сел на печь, дожидается братовой. Братья приехали и рассказывают:

– Бабы! Тот же молодец опять приезжал, да не достал портрет только за два бревна.

Иван-дурак и говорит им:

– Братья, не я ли тут был?

– Сиди, дурак! Где у чёрта был!

Через немного время от царя опять клич. Братья начали собираться, а Иван-дурак и просит:

– Дайте, братья, каку-нибудь лошадь; я съезжу, посмотрю же.

– Сиди, дурак, дома! Докуда лошадей-то у нас станешь переводить?

Нет, отбиться не могли, бились-бились, велели взять худую кобылёшку; сами уехали. Иван-дурак и ту управил, зарезал, бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом:

– Сивко-бурко, вещий воронко!

Воронко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в одно ушко залез – напился-наелся, в друго вылез – молодцом оделся, сел на коня

и поехал. Как только доехал до царских чертогов, портрет и ширинку⁵ так и сорвал. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал! Он так же воронка отпустил, пошёл домой, сел на печь, ждёт братовой. Братья приехали, рассказывают:

- Ну, хозяйки! Тот же молодец как нагнал сегодня, так портрет и сорвал.
Иван-дурак сидит за трубой и бает:
– Братья, не я ли тут был?
– Сиди, дурак! Где ты у чёрта был!

⁵ Ширинка – устар. короткое полотнище ткани во всю ширину, а также платок, полотенце, скатерть. – *Прим. ред.*

Через немного время царь сделал бал, созывает всех бояр, воевод, князей, думных, сенаторов, купцов, мещан и крестьян. И Ивановы братья поехали; Иван-дурак не отстал, сел где-то на печь за трубу, глядит, рот разинул. Царевна потчует гостей, каждому подносит пива и смотрит, не утрётся ли кто ширинкой? – тот её и жених. Только никто не утрётся; а Иван-дурака не видала, обошла. Гости разошлись. На другой день царь сделал другой бал; опять виноватого не нашли, кто сорвал ширинку. На третий день царевна так же стала из своих рук подносить гостям пиво; всех обошла, никто не утрётся ширинкой. «Что это, – думает она себе, – нет моего суженого!» Взглянула за трубу и увидела там Ивана-дурака; платьишко на нём худое, весь в саже, волосы дыбом. Она налила стакан пива, подносит ему, а братья глядят, да и думают: царевна-то и дураку-то подносит пиво! Иван-дурак выпил, да и утрётся ширинкой. Царевна обрадовалась, берёт его за руку, ведёт к отцу и говорит:

– Батюшка! Вот мой суженый.

Братовой тут ровно ножом по сердцу-то резнуло, думают: «Чего это царевна! Не с ума ли сошла? Дурака ведёт в сужены». Разговоры тут коротки: весёлым пирком да за свадебку. Наш Иван тут стал не Иван-дурак, а Иван царский зять; оправился, очистился, молодец молодцом стал, не стали люди узнавать! Тогда-то братья узнали, что значило ходить спать на могилу к отцу.

Иван-царевич и серый волк

Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный; росла в том саду яблоня с золотыми яблоками.

Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало свой сад.

Посылает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить похитника.

Царь перестал и пить и есть, затосковал. Сыновья отца утешают:

– Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

– Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад от похитника.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил с вечера, никого не уследил, припал на мягкую траву и уснул.

Утром царь его спрашивает:

– Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитника?

– Нет, родимый батюшка, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

На другую ночь пошёл средний сын караулить и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитника.

Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошёл Иван-царевич стеречь отцов сад и даже присесть боится, не то что прилечь. Как его сон задоит, он росой с травы умоется, сон и прочь с глаз.

Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Он видит – на яблоню села Жар-птица и клюет золотые яблоки.

Иван-царевич тихонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птица встрепенулась и улетела, осталось у него в руке одно перо от её хвоста.

Наутро приходит Иван-царевич к отцу.

– Ну что, дорогой мой Ваня, не видал ли ты похитника?

– Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот от похитника память вам принес. Это, батюшка, Жар-птица.

Царь взял это перо и с той поры стал пить, и есть, и печали не знать. Вот в одно прекрасное время ему и раздумалось об этой об Жар-птице.

Позвал он сыновей и говорит им:

– Дорогие мои дети, оседлали бы вы добрых коней, поездили бы по белу свету, места познавали, не напали бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклонились, оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу: старший в одну сторону, средний в другую, а Иван-царевич в третью сторону.

Ехал Иван-царевич долго ли, коротко ли. День был летний. Приустал Иван-царевич, слез с коня, спутал его, а сам свалился спать.

Много ли, мало ли времени прошло, пробудился Иван-царевич, видит – коня нет. Пошёл его искать, ходил, ходил и нашёл своего коня – одни кости обглоданные.

Запечалился Иван-царевич: куда без коня идти в такую даль?

– Ну что же, – думает, – взялся – делать нечего.

И пошел пеший.

Шел, шел, устал до смерточки.

Сел на мягкую траву и пригорюнился, сидит.

Откуда ни возьмись, бежит к нему серый волк:

– Что, Иван-царевич, сидишь пригорюнился, голову повесил?

– Как же мне не печалиться, серый волк? Остался я без доброго коня.

– Это я, Иван-царевич, твоего коня съел... Жалко мне тебя! Расскажи, зачем в даль поехал, куда путь держишь?

– Послал меня батюшка поехать по белу свету, найти Жар-птицу.

– Фу, фу, тебе на своём добром коне в три года не доехать до Жар-птицы. Я один знаю, где она живет. Так и быть – коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче.

Сел Иван-царевич на него верхом, серый волк и поскакал – синие леса мимо глаз пропускает, озера хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до высокой крепости.

Серый волк и говорит:

– Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся – час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри клетки не трогай!

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем – на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица. Он птицу взял, за пазуху положил, да засмотрелся на клетку. Сердце его и разгорелось: ах, какая – золотая, драгоценная! Как такую не взять! И забыл, что волк ему наказывал. Только дотронулся до клетки, пошёл по крепости звук: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону.

Царь Афрон разгневался и спрашивает:

– Чей ты, откуда?

– Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

– Ай, срам какой! Царский сын да пошёл воровать.

– А что же, когда ваша птица летала, наш сад разоряла?

– А ты бы пришёл ко мне, по совести попросил, я бы её так отдал, из уважения к твоему родителю, царю Берендею. А теперь по всем городам пушу нехорошую славу про вас... Ну да ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Загорюнился Иван-царевич, идёт к серому волку. А волк ему:

– Я же тебе говорил, не шевели клетку! Почему не слушал мой наказ?

– Ну, прости же ты меня, прости, серый волк.

– То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Долго ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

– Полезай, Иван-царевич, через стену, сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри уздечку не трогай!

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спят, зашёл на конюшню, поймал коня златогривого, да позарился на уздечку – она золотом, дорогими камнями убрана; в ней златогривому коню только гулять.

Иван-царевич дотронулся до уздечки, пошёл звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману.

– Чей ты, откуда?

– Я Иван-царевич.

– Эка, за какие глупости взялся – коня воровать! На это простой мужик не согласится. Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевич, если сослужишь мне службу. У царя Далмата есть дочь Елена Прекрасная. Похить её, привези ко мне, подарю тебе златогривого коня с уздечкой.

Еще пуще пригорюнился Иван-царевич, пошёл к серому волку.

– Говорил я тебе, Иван-царевич, не трогай уздечку! Не послушал ты моего наказа.

– Ну, прости же меня, прости, серый волк.

– То-то, прости... Да уж ладно, садись мне на спину.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Добегают они до царя Далмата. У него в крепости в саду гуляет Елена Прекрасная с мамушками, нянюшками. Серый волк говорит:

– В этот раз я тебя не пущу, сам пойду. А ты ступай обратно путём-дорогой, я тебя скоро нагоню.

Иван-царевич пошёл обратно путём-дорогой, а серый волк перемахнул через стену – да в сад. Засел за куст и глядит: Елена Прекрасная вышла со своими мамушками, нянюшками. Гуляла, гуляла и только приотстала от мамушек и нянюшек, серый волк ухватил Елену Прекрасную, перекинул через спину – и наутёк.

Иван-царевич идёт путём-дорогой, вдруг настигает его серый волк, на нём сидит Елена Прекрасная. Обрадовался Иван-царевич, а серый волк ему:

– Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался серый волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой – синие леса мимо глаз пропускает, реки, озера хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до царя Кусмана. Серый волк спрашивает:

– Что, Иван-царевич, приумолк, пригорюнился?

– Да как же мне, серый волк, не печалиться? Как расстанусь с такой красотой? Как Елену Прекрасную на коня буду менять?

Серый волк отвечает:

– Не разлучу я тебя с такой красотой – спрячем её где-нибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и води меня к царю.

Тут они Елену Прекрасную спрятали в лесной избушке. Серый волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повёл его Иван-царевич к царю Кусману. Царь обрадовался, стал его благодарить:

– Спасибо тебе, Иван-царевич, что достал мне невесту. Получай златогривого коня с уздечкой.

Иван-царевич сел на этого коня и поехал за Еленой Прекрасной. Взял её, посадил на коня, и едут они путём-дорогой.

А царь Кусман устроил свадьбу, пировал весь день до вечера, а как надо было спать ложиться, повёл он Елену Прекрасную в спальню, да только лёг с ней на кровать, глядит – волчья морда вместо молодой жены! Царь со страху свалился с кровати, а волк удрал прочь.

Нагоняет серый волк Ивана-царевича и спрашивает:

– О чём задумался, Иван-царевич?

– Как же мне не думать? Жалко расставаться с таким сокровищем – конём золотгривым, менять его на Жар-птицу.

– Не печалься, я тебе помогу.

Вот доезжают они до царя Афрона. Волк и говорит:

– Этого коня и Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конём золотгривым, ты меня и веди к царю Афрону.

Спрятали они Елену Прекрасную и золотгривого коня в лесу. Серый волк перекинулся через спину, обернулся золотгривым конём. Иван-царевич повёл его к царю Афрону. Царь обрадовался и отдал ему Жар-птицу с золотой клеткой.

Иван-царевич вернулся пешком в лес, посадил Елену Прекрасную на золотгривого коня, взял золотую клетку с Жар-птицей и поехал путём-дорогой в родную сторону.

А царь Афрон велел подвести к себе дарёного коня и только хотел сесть на него – конь обернулся серым волком. Царь со страху где стоял, там и упал, а серый волк пустился наутёк и скоро догнал Ивана-царевича.

– Теперь прощай, мне дальше идти нельзя.

Иван-царевич слез с коня и три раза поклонился до земли, с уважением отблагодарил серого волка. А тот говорит:

– Не навек прощайся со мной, я ещё тебе пригожусь.

Иван-царевич думает:

– Куда же ты ещё пригодишься? Все желанья мои исполнены.

Сел на золотгривого коня, и опять поехали они с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей. Доехал он до своих краёв, вздумалось ему попопудневать. Было у него с собой немного хлеба-бушка. Ну, они поели, ключевой воды попили и легли отдыхать.

Только Иван-царевич заснул, наезжают на него его братья. Ездили они по другим землям, искали Жар-птицу, вернулись с пустыми руками. Наехали и видят – у Ивана-царевича все добыто. Вот они и сговорились:

– Давай убьём брата, добыча вся будет наша.

Решились и убили Ивана-царевича. Сели на золотгривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устроили её:

– Дома не рассказывай ничего!

Лежит Иван-царевич мёртвый, над ним уже вороны летают. Откуда ни возьмись, прибежал серый волк и схватил ворона с воронёнком.

– Ты лети-ка, ворон, за живой и мёртвой водой.

Принесёшь мне живой и мёртвой воды, тогда отпущу твоего воронёнка.

Ворон, делать нечего, полетел, а волк держит его воронёнка. Долго ли ворон летал, коротко ли, принес он живой и мёртвой воды. Серый волк sprыснул мёртвой водой раны Ивану-царевичу, раны зажили; sprыснул его живой водой – Иван-царевич ожил.

– Ох, крепко же я спал!..

– Крепко ты спал, – говорит серый волк. – Кабы не я, совсем бы не проснулся. Родные братья тебя убили и всю добычу твою увезли. Садись на меня скорей!

Поскакали они в погоню и настигли обоих братьев. Тут их серый волк растерзал и клочки по полю разметал.

Иван-царевич поклонился серому волку и простился с ним навечно.

Вернулся Иван-царевич домой на коне златогривом, привёз отцу своему Жар-птицу, а себе – невесту, Елену Прекрасную.

Царь Берендей обрадовался, стал сына спрашивать. Стал Иван-царевич рассказывать, как помог ему серый волк достать добычу, да как братья убили его, сонного, да как серый волк их растерзал.

Погоревал царь Берендей и скоро утешился. А Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, и стали они жить-поживать да горя не знать.

Гуси

Жил старичок со старушкой. Были у них дочка да сынок маленький. Собрались старики в город и приказывают дочке:

– Мы пойдём, дочка, в город, принесём тебе булочку, купим платочек; а ты будь умна, братца береги, со двора не ходи.

Ушли старики; девочка посадила братца на травку под окном, а сама побежала на улицу и заигралась.

Налетели гуси, подхватили мальчика и унесли на крылышках.

Прибежала девочка, глядь – нет братца. Кинулась туда-сюда – нету! Кликала девочка, кликала братца – не откликается. Выбежала в чистое поле – вдали метнулось гусиное стадо и пропало за тёмным лесом.

«Верно, гуси унесли братца!» – подумала девочка и пустилась гусей догонять.

Бежала девочка, бежала, видит – стоит печка.
– Печка, печка, скажи, куда гуси полетели?
– Съешь моего ржаного пирожка – скажу.
А девочка говорит:
– У моего батюшки и пшеничные не едятся!
И побежала дальше.
Бежит девочка дальше и видит – стоит яблоня.
– Яблоня, яблоня! Куда гуси полетели?
– Съешь моего лесного яблочка – тогда скажу.
– У моего батюшки и садовые не едятся! – сказала девочка и побежала дальше.
Бежит девочка и видит: льётся молочная речка – кисельные берега.
– Молочная речка – кисельные берега! Скажи, куда гуси полетели?
– Съешь моего простого киселика с молочком – тогда скажу.
– У моего батюшки и сливочки не едятся!
И побежала девочка дальше.
Долго бы пришлось бегать девочке, да попался ей навстречу ёж.
Хотела девочка ежа толкнуть, да побоялась наколоться и спрашивает:
– Ёжик, ёжик, куда гуси полетели?

Ёжик и показал дорогу девочке. Побежала девочка по дороге и видит – стоит избушка на курьих ножках, стоит поворачивается. В избушке сидит баба Яга – костяная нога, морда глиняная, сидит и братец на лавочке у окошка, золотыми яблочками играет.

Подкралась девочка к окну, схватила братца и побежала домой. А баба Яга кликнула гусей и послала их за девочкой в погоню.

Бежит девочка, а гуси совсем её нагоняют. Куда деваться? Прибежала девочка к молочной речке с кисельными берегами:

- Реченька, голубушка, укрой меня!
- Съешь моего простого киселика с молочком.

Похлебала девочка киселика с молочком. Тогда речка спрятала девочку под крутой бережок, а гуси мимо и пролетели.

Выбежала девочка из-под бережка и побежала дальше, а гуси её увидели и опять пустились в погоню. Что делать девочке? Прибежала она к яблоньке:

- Яблонька, голубушка, спрячь меня!
- Съешь моего лесного яблочка, тогда спрячу.

Нечего девочке делать – съела она лесного яблочка. Яблонька закрыла девочку ветками; гуси и пролетели мимо.

Вышла девочка из-под яблони и пустилась бежать домой. Бежит, а гуси опять её увидели – и ну за ней! Совсем налетают, крыльями над головой машут. Чуть-чуть добежала девочка до печки:

– Печечка, матушка, спрячь меня!

– Съешь моего ржаного пирожка, тогда спрячу.

Поскорей съела девочка ржаного пирожка и залезла в печь. Гуси пролетели мимо.

Вылезла девочка из печки и пустилась домой во весь дух. Гуси опять девочку увидели и опять погнались за нею. Вот-вот налетают, крыльями по лицу бьют, того и гляди, братца из рук вырвут, да изба-то была уже недалеко. Вбежала девочка в избу, проворно двери захлопнула и окошки закрыла. Покружились гуси над избой, покричали, да так ни с чем и полетели к бабе Яге.

Пришли домой старичок и старушка, видят – мальчик дома, жив и здоров. Подарили девочке булочку и платочек.

По щучьему веленью

Жил-был старик. У его было три сына: двое умных, третий – дурачок Емеля. Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

– Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

– Неохота...

– Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

– Ну, ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял вёдра да топор и пошёл на речку.

Прорубил лёд, зачерпнул вёдра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку:

– Вот уха будет сладка!

Вдруг щука говорит ему человеческим голосом:

– Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеётся:

– На что ты мне годишься?.. Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить.

Будет уха сладка.

Щука взмолилась опять:

– Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю всё, что ни пожелаешь.

– Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

– Емеля, Емеля, скажи – чего ты сейчас хочешь?

– Хочу, чтобы вёдра сами пошли домой и вода бы не расплескалась...

Щука ему говорит:

– Запомни мои слова: когда что тебе захочется – скажи только: «По щучьему веленью, по моему хотенью».

Емеля и говорит:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – ступайте, вёдра, сами собой...

Только сказал – ведра сами и пошли в гору.

Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошёл за вёдрами.

Идут вёдра по деревне, народ дивится, а Емеля идёт сзади, посмеивается... Зашли вёдра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени – невестки говорят ему:

– Емеля, что ты лежишь? Пошёл бы дров нарубил.

– Неохота...

– Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – поди, топор, наколи дров, а дрова – сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскочил из-под лавки – и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло – невестки опять говорят:

– Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

– Да вы-то на что?

– Как – мы на что?... Разве наше дело в лес за дровами ездить?

– Мне неохота...

– Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял верёвку и топор, вышел во двор и сел в сани:

– Бабы, отворяйте ворота!

Невестки ему говорят:

– Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

– Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – ступайте, сани, в лес...

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро – на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он знай сани погоняет.

Приехал в лес:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие дрова, а дровишки сами в сани валятся и верёвкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку такую, чтобы насилу поднять.

Сел на воз:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются.

Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют.

Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила – и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли – услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера – его найти и привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живёт, и спрашивает:

– Ты – дурак Емеля?

А он с печки:

– А тебе на что?

– Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

– А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке.

А Емеля говорит потихоньку:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – дубинка, обломай ему бока...

Дубинка выскочила – и давай колотить офицера, насилу он ноги унёс.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого набольшего⁶ вельможу:

– Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошёл в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

– Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, – тогда он всё сделает, что ни попросишь.

Набольший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

– Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

– Мне и тут тепло...

– Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить, – пожалуйста, поедем.

– А мне неохота...

– Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

– Ну, ладно, ступай ты вперёд, а я за тобой вслед буду.

⁶ Старший, главный (*устар.*)

Уехал вельможа, а Емеля полежал ещё и говорит:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – ну-ка, печь, поезжай к царю...

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю.

Царь глядит в окно, дивится:

– Это что за чудо?

Набольший вельможа ему отвечает:

– А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

– Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу подавил.

– А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь – Марья-царевна. Емеля увидал её в окошке и говорит потихоньку:

– По щучьему велению, по моему хотению – пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал ещё:

– Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, зашла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полёживает.

А у царя во дворце крик да слезы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он её за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять набольшему вельможе:

– Ступай, приведи ко мне Емелю живого или мёртвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа кваса да разных закусок, поехал в ту деревню, вошёл в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, захмелел и лёг спать.

А вельможа положил его в повозку и повёз к царю.

Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В неё посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.